

3. Пильняк Б. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 2003.
4. Капр А. Эстетика искусства шрифта. М., 1979.
5. Герчук Ю. Художественная структура книги. М., 1984.
6. Бревнова С.В. Системно-функциональное описание орнаментального поля художественного текста (на материале произведений Е. Замятина и Б. Пильняка): Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002.
7. Пильняк Б. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М.; Л., 1930.
8. Фаворский В.А. Искусство книги. Вып. 2. М., 1961.
9. Ханзен-Леве Оге А. Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М., 2001.
10. Пильняк Б.А. Мне выпала горькая слава... Письма 1915–1937. М., 2002.
11. Частная коллекция книг и автографов А.А. Горелова (г. Москва).

К.А. Баршт

«МУСОРНЫЙ ВЕТЕР» А. ПЛАТОНОВА: СПОР С Р. ДЕКАРТОМ

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

В центре художественной системы повести «Мусорный ветер» находится знак «вещества-энергии», живой саморазвивающейся материи существования, в высшей точке своего «самodelания» принимающей форму человеческого мозга. Сознание человека понималось Платоновым как вещественно-энергетическое единство, функция которого в Мироздании – выработка, накопление и распределение энергии «мысли-любви», одного из самых ценных видов энергетического наполнения Космоса. Эта специфическая для человека энергия бытия, продуцируемая сознанием человека, должна, согласно мысли писателя, оказать сопротивление нарастающему давлению энтропии на Мироздание, тем самым спасти человека и все остальное «вещество жизни» от неминуемой гибели. Платонов был убежден, что сознание человека, онтологически свободное, вовсе не противостоит Провидению, отделенное от него стеной по оси «мое-чужое», но оказывается его важной, самой существенной частью, являясь своего рода «нервной системой» биосферы Земли. Платонов сожалел, что человечество еще не дошло до осознания своего космического предназначения, и ведет растительно-животный образ жизни. Одной из попыток обратить внимание на проблему ответственности человека не только за себя, свою семью, общество, страну, но и за все наличное в мире «вещество существования», является повесть «Мусорный ветер».

Спор главного героя повести Альберта Лихтенберга с Рене Декартом, развернутый на страницах этого произведения, дополняет концепцию, сформированную Платоновым еще в статьях 1920-х гг. Согласно основной идее, мысль как форма энергии – первична, а телесная форма человека как производное от конкретного вещественно-энергетического состояния «вещества» – вторична и полностью от нее зависима. Сама телесная форма человека является выражением вещественно-энергетической связи между энергетической

Вселенной и энергетикой человеческого сознания. Следовательно, при изменении первого и/или второго должны произойти изменения как в первом, так и во втором – и в телесной форме человека, и в телесной форме Земли. Об этой зависимости и об этих изменениях – повесть Платонова.

Разумеется, признавая ответственную мысль человека как вид космической энергии, Платонов не мог пройти мимо известной картезианской формулы «мыслю, следовательно, существую». Логика его философской системы ставила слова «мыслю» и «существую» в порядке, обратном картезианскому. Думая об ужасе фашизма, с таким энтузиазмом принятого Германией в начале 1930-х гг., Лихтенберг вспоминает Декарта, видя в картезианстве одно из оснований бессмысленности и безответственности, свойственных Новой истории человечества. Выброшенный европейской цивилизацией на помойку, как ненужный мусор, Лихтенберг мысленно обращается к ее полномочному представителю, Гитлеру, с саркастическим обращением: «Великий Адольф! Ты забыл Декарта: когда ему запретили действовать, он от испуга стал мыслить и в ужасе признал себя существующим...» [1, с. 303]. В этой формуле платоновского «физика космических пространств» заключен смысл, связанный с корневым пунктом идеологии и поэтики Платонова.

Согласно правилам художественного кода «Мусорного ветра», мыслящее существо *homo sapiens* – отнюдь не только итог дарвиновской «эволюции», образовавшийся за счет «происхождения человека от обезьяны». Это парадоксальное существо – человек – возникло как результат саморазвития обладающего творческой волей «вещества жизни» с последующей интенсивной концентрацией энергии Мироздания на определенном участке Мирового Континуума. В результате «вещество» обретает черты, прямо диктуемые ему качеством и количеством энергии, накопленной в данном локусе Континуума энергии. Так,

в частности, образуется человеческое тело, которое есть лишь биологическая платформа для расположения в нем главного – человеческого сознания, особого органа, способного генерировать и накапливать особую энергию, энергию мысли. Поскольку в художественной системе Платонова нет водораздела между живым и мертвым (в пределах тотального «вещества жизни» нет ничего до конца «мертвого»), нет и разделения между сознательным и бессознательным, между существом и веществом, переход из одного в другое совершается в повести легко и естественно. Поэтому уже, казалось бы, готовые формы живого могут меняться и трансформироваться, телесно истощаться или наполняться, отвечая тем самым потребностям энергетического наполнения той или иной части «вещества». Основная функция человека как существа космического – это мышление, однако ему приходится работать руками, преодолевая бедность своего униженного и смертного состояния. «Действовать» для Платонова означало «мыслить» и затем воплощать свою мысль в реальность. В пределах цельной энергетики живого человека, как сознающего *homo sapiens* все виды его мышления и действий, находятся во взаимосвязи – чем больше он мыслит, тем менее способен двигаться телесно, чем больше он движется телесно, тем меньше мыслит. Поэтому крайняя степень отсутствия мысли – это танец: в «Счастливой Москве» и в «Котловане» писателем дано художественное объяснение феномену безмысленного движения – пляски.

Во многих произведениях писателя мы встречаем описание того, как «сознательная сила» приходит к человеку, когда он перестает работать руками («действовать»), как эта «сила» переходит в его голову, отнимаясь от рук. Айдым в повести «Джан» теряет способность думать, выполняя рутинную работу, она «делала домашнюю работу почти без сознания» [2, с. 477]. Перестают мыслить во время тяжелого физического труда землекопы из «Котлована»; физическое бездействие, напротив, тут же создает возможность напряженного мышления. Поэтому же, перестав выражать свою энергию мысли-любви в копании земли, Чиклин («Котлован») «сразу начал думать, потому что его жизни некуда было деваться, раз исход ее в землю прекратился» [3, с. 143]. По Платонову, если физическая работа не помогает Творению, не привносит в Мироздание энергетический позитив, она оказывается признаком и следствием бессмысленности существования человека. В «Чевенгуре» у «бобыля», который не делает никаких изменений с окружающим «веществом» и живет «вхолостую», нет ответственного мышления: только *«передвигалось удивление с одной вещи на другую, но в сознание ничего не превращалось»* [4, с.25] (курсив мой. – К.Б.). Напротив, энергию мысли-любви, преобразующую мир, вырабатывают Москва Честнова («Счастливая Москва»), Вермо («Ювенильное море»), Чиклин («Котлован»),

другие герои-философы и «мастера» Платонова. Их деятельность, в соответствии с заимствованной Платоновым у В.И. Вернадского концепцией о мысли как реальной «геологической силе», преобразующей мир, дает новый статус веществу, насыщая его энергией.

Переливы энергии от мыслительного действия к физическому указывают на общий для них ресурс – единую для Космоса и человека «энергию-вещество» Мироздания. Мыслительная энергия и энергия физического действия взаимно перетекают друг в друга, при этом уровень и качество одного обратно пропорциональны другому. Взаимосвязь всех явлений в Мироздании, возможность прямого и обратного перехода энергии в вещество, по Платонову, – непосредственная основа для прямого участия человека в жизни Мира и коренная особенность бытия человека в мире. Остановить течение времени, определяемое энтропией, можно, только остановив энергетическое падение Вселенной. Все вещества и существа в Мироздании накапливают и теряют энергию. Но единственный «генератор-резонатор», способный выработать энергии больше, чем он реально потребляет для своего жизнедействия, согласно мысли писателя, – это человеческое сознание.

Логика здесь следующая. Если предположить, что человеческий мозг автономен и действует изолированно от Космоса и сам по себе, то 1) не находится оправдания индивидуальным различиям между людьми, которые можно свести к ряду более или менее очевидных отклонений от известного или предполагаемого «образца» (со всеми очевидными выводами в пользу фашизма, коммунизма и т.п. идеологий); 2) человек заведомо проигрывает машине, она теоретически может делать все, что делает человек и гораздо лучше него, в том числе и обрабатывать большее количество информации с большей скоростью, чем мозг. Понимание человека как мыслящей биологической машины, по мнению Платонова, ложно, потому что ни одна машина не является прямым выражением нужд вечно живой платоновской «материи», но лишь – инструментом, подспорьем, «костылем» для решения сиюминутных задач, поставленных заблуждающимся («запутавшимся») человечеством Нового времени. Если человек является не онтологически необходимым Космосу существом, а лишь существом случайным и «дополнительным» по отношению к признаваемой всегда правой природе, – неизбежно возникает парадигма либо «сверхчеловеческого» ницшеанского человека, либо апология «организма», превращающего *homo sapiens* в общественное животное, обладающее сознанием как инструментом для удовлетворения «потребностей».

По Платонову, онтологическая необходимость человека Вселенной и его реальная бытийность определяются уровнем интенсивности его мышления и уровнем ответственности за Мироздание, параллельно тому, как энтропия любого участка вещества прямо

зависит от качества и количества накопленной им энергии. Время на разных участках Мироздания течет по-разному, определяясь направленностью энергетического потока мысли-любви человека в том или ином направлении. Этот «категорический императив» остро переживает Самбикин в романе «Счастливая Москва», как и герой «Мусорного ветра» Лихтенберг. Последний физически ощущает «свое тоскующее, опустевшее сердце – ему надо было опять действовать, чтобы приобрести задачу для размышления и угомонить неясный и алчущий, совестливый вопль в душе...» [5, с. 28]. С другой стороны, тело человека может менять свою форму, оказывается пластичным, вещественно-органически выражая тот или иной уровень присущей ему энергетики. Таким образом, главным атрибутом человека, вопреки общепринятому взгляду и вразрез с картезианской формулой, оказывается существование «вещества-энергии жизни», одной из формул которого оказывается человек, а мысль есть не просто некий признак существования, но прямая функция бытия *homo sapiens*. Дуалистическая концепция Декарта рассматривает сознание человека отдельно от его тела (и всего остального «вещества» Космоса), в качестве «маленького внутреннего человека», а тело – как его простое физическое воплощение и инструмент. По Декарту, нельзя сомневаться в существовании себя как мыслящего существа, но можно и нужно сомневаться в реальности собственной телесности. Возникает вопрос о том, возможно ли бестелесное человеческое существо, может ли существовать бестелесная мысль? Действительно ли мы мыслим наше тело как нечто внешнее по отношению к «мысли», как это утверждает Декарт? Поэтому Платонов меняет местами «мыслью» и «существую» в формуле Декарта.

В «Мусорном ветре» Платонов показывает, как в гуманистической традиции Новой истории Европы на месте нормального для Космоса прямого и обратного взаимодействия по оси вещество/энергия и энтропия/неэнтропия начинают действовать странные условия, при этом «телега ставится впереди лошади»: органическое тело признается важнейшим элементом существа человека (собственно – всем человеком), а философское мышление становится чем-то маргинальным, необязательным для человека, чем можно заниматься лишь «в свободное от работы время». Отсутствие ответственного за «вещество» мышления оказывается в думах главного героя повести Лихтенберга главным выражением гибельности мирового порядка. Показывая парадоксальность формулы Декарта, Платонов указывает на реальность существования «безмысленности» и того, что не «мыслит»: «Гитлер не мыслит... Альфред Розенберг мыслит лишь бессмысленное, папа римский не думал никогда, но они существуют ведь!» [1, с. 303]. Выключение из мирового процесса творческой мысли как главного фактора истории, как главной функции человека са-

моубийственно: оказывается губительным для Мироздания и самого человека. В «записной книжке» Платонов подчеркивает: «...мысль имеет безусловное онтологическое значение для тела, как энергия для вещества, ибо только ее высокий энергетический потенциал, не расхищаемый или не убиваемый в человеке, способствует сохранению человека в виде *homo sapiens*: «Чем живет человек: он что-нибудь думает, т.е. имеет тайную идею, иногда несогласную ни с чем официальным» [6, с. 113]. «Вещество», составляющее тело человека, по Платонову, также нельзя отделить от «вещества существования», как и обновляющуюся мысль человека – от энергетического запаса всей Вселенной, которая может быть спасена только ею. Таким образом, мышление становится последним островком спасения человека в его «мусорной истории»; попытки убить мыслительно-творческую функцию *homo sapiens* и одновременно акцентировать его биологическое существование, обращают телесного человека в бессмысленное животное, которое, однако, «существует». С другой стороны, резкое истощение энергетики Земли, телесной энергии платоновского праведника может привести к тому, что его сознание начнет бесконечно расширяться и укрепляться, но тело будет проделывать путь «обратный по Дарвину», придавая такому человеку черты животного, сохраняя, однако, в его сознании оазис истинно человеческого – его мысль и, как форму ее реализации, любовь.

Картезианская концепция «мыслью, следовательно, существую» опровергается в «Мусорном ветре» реальностью энергии чистого сознания, реализованного в сознании Лихтенберга, казалось бы телесно уничтоженного фашистами, но принципиально неуничтожимого именно потому, что неуничтожима сама энергия жизни, которая присуща любому участку «вещества». Поэтому мозг мертвого, но принципиально неубиваемого Лихтенберга продолжает сохранять живую энергию «вещества жизни», продолжает жить и развиваться, в то время как его тело, – по Платонову, лишь биологическая платформа для деятельности сознания, – принимает весьма странную форму. В соответствии с законом сохранения мировой энергии и Вторым законом термодинамики, по своему понятию Платоновым, жизнь продолжается и во внешне мертвом «веществе жизни», в мозгу Лихтенберга, ведь именно в нем находятся корни бытия и основания жизни человека.

Идея о существовании, которое обеспечивается мыслью человека о себе, вызывает у Лихтенберга сарказм: «Декарт дурак! – вслух сказал Лихтенберг...» [1, с. 303], потому что «мысль» и «существование» французского философа оказались, парадоксальным образом, по разные стороны единого Бытия. Декарт не прав потому, считает Лихтенберг, что космическое оправдание человека вовсе не в том, что он вообще «мыслит» – мыслит о чем угодно или даже о себе са-

мом, такая идея похожа на выхолощенную и бесплодную мысль «бобыля» из «Чевенгура». Значение мышления, по Платонову, отнюдь не только в его интенсивности, но и в том, куда оно направлено, точнее, направлено ли оно любовью на спасение «вещества» от гибели. Таким образом, именно существование обеспечивает и предполагает мысль, а не наоборот, мысль оказывается не условием существования, но ее формой: будучи направлена на иное – на находящегося вне телесного существа носителя мысли, она обеспечивает обращение мысли в любовь, давая энергетически ценный прирост «веществу-энергии» Вселенной. Реплика, дающая ключ к тайне этой реплики героя Платонова, содержится в записной книжке писателя: «Очень важно! Все искусство заключено в том, чтобы выйти за пределы собственной головы, наполненной жалким, жидким, усталым веществом. Субъективная жизнь – в объекте, в другом человеке. В этом вся тайна» [6, с. 101–102]. Ошибка со стороны Декарта, по мнению героя Платонова, заключается в том, что человек мыслится как самодостаточное, изолированное от Мироздания телесно и энергетически существо, опирающееся только на свою мысль в вещественно-энергетическом вакууме.

Для Платонова мысль и ее вещество (мозг) принципиально неразделимы. Сознание и телесная «материя» на равных включаются Платоновым в категорию «человеческое существование». Homo sapiens – не просто животное тело, наделенное сознанием, но единое во всех своих ипостасях существо-вещество-мысль, функция которого – в выработке конечного продукта – мысли-любви, преобразующей пространство. Любые действия совершаются человеком как единым телом-духом, живым сознанием более или менее автономной частицы «вещества жизни». Поэтому человек, «обрученный с Землей» и поглощенный процессом выработки энергии мысли-любви, перестает чувствовать свою органическую природу, преодолевает свою органическую детерминанту, может ощущать свое тело как «посторонний предмет» (Дванов в «Чевенгуре»). Полностью отождествляясь со своим сознанием, редуцируясь телесно и обращаясь в подобие «странного животного», Лихтенберг перестает ощущать себя как нормальное биологическое существо, вплоть до потери чувствительности к боли. Как биологическое существо, он сосредоточен лишь на обеспечении своего мозга минимально необходимой ему энергетической подпиткой, бедной и скудной, что и является, по Платонову, приметным знаком энергетического достоинства. Исчезновение его как образца homo sapiens, проходит параллельно с резким подъемом его интеллектуально-духовных сил. Оба процесса не только опровергают идеологию фашизма, но и, попутно, вызывают на спор Декарта, утверждающего автономность мысли человека от бытия и энергетики Вселенной. Силы самого Лихтенберга в момент полного напряжения его мысли оказыва-

ются не замкнутыми в кругу его самосознания, но вырываются наружу и подключаются к Разуму Вселенной, самосознание Лихтенберга оказывается частью Логоса. В результате герой Платонова перестает «мыслить по Декарту», начинает чувствовать все вещество мироздания своим телом, и его мысль уходит за пределы его мозга. Надо отметить, что такого рода переходы довольно часто встречаются в произведениях писателя. Например, в рассказе «Маркун»: «Маркун стоял. В нем была тревога и ожидание. Все замерло в нем, будто он только родился и ничего не понимал, он в первый раз не думал, никакая мысль не вела его» [7, с. 30].

По Платонову, тело человека есть непосредственное выражение его энергетики, в форме тела платоновского энергетического праведника непосредственно выражено энергетическое состояние Земли (в форме его тела) и энергетическое состояние его личного «я» (в форме его мышления). Высочайший уровень самосознания Лихтенберга обеспечивает ему понимание смысла происходящих в мире явлений, низкий уровень умирающей от «мусора» Земли – убогое тело. Из-за усиления давления энтропии на «вещество жизни» (нарастающего по мере развития цивилизации «мусорного ветра»), его тело меняется, теряет привычную форму и обретает черты экзотического животного: «По телу его... пошла сплошная темная зараза, похожая на волчанку, а поверх ее выросла густая шерсть и все покрыла...» [1, с. 303]. Причиной является глубокий энергетический упадок, вызванный фашизмом и другими идеологиями, заставляющими людей думать только о своем теле; что же касается тела самого Лихтенберга, то его состояние уже его не беспокоит: нормально, что «его тело уже истрачено» [1, с. 304].

Такого типа деградирующее преобразование человека, оспаривающее Декарта, находим не только в «Мусорном ветре», но также во многих других произведениях Платонова. Например, в «Котловане», где «медведь-кузнец» – странное существо, бессловесное и работающее – являет собой новую форму «человека разумного», максимально приспособленного к жизни в условиях глубокого энергетического кризиса. Он появляется как существо, способное выжить в условиях, когда «вещество жизни» истощено и жизнь оказывается почти невозможной. Мутацией своего тела Лихтенберг указывает направление, куда теперь повернул Континуум, достигнув высшей точки апокалипсиса 16 июля 1933 г. Дальнейший путь деградации лучших представителей homo sapiens, по Платонову, наиболее способных к пластическому отражению энергетической реальности – к «курам» и простейшим червям. На это намекают и сами нацисты: «Лихтенберга на работу не посылали, потому что он мог лишь ползти по земле» [1, с. 304].

Название повести подчеркивает, что человечество производит «мусора» больше, чем позитивной энер-

гии: бездумно уничтожает энергию, убивает себя. Шерсть, покрывающая тела социально унижаемых героев «Мусорного ветра» (собаки как «бывшего человека», которая приходит на помойку к Лихтенбергу, жены Лихтенберга, самого Лихтенберга) – не только приговор «мусорной истории». Это не только выражение ложного пути истории человечества, на котором homo sapiens из «генератора-резонатора» мысли-любви становится существом, готовым уничтожить все, что находится вне его биологического тела. Этим одновременно обозначается перспектива будущего преображения человека в Нового Адама, если удастся остановить энтропию и придать Земле новый энергетический импульс. Еще в 1920 г. Платонов заметил, что истинно человеческое – это творческий труд, преобразующий человека в форме преобразования окружающего мира. Это преобразование может быть «излиянием его души» [8, с. 53], причем тело оказывается конкретным путем «излияния души» в мир, ответом человека на мир, раздражителем и катализатором волевой активности «вещества»: «...телесность становится опорой душевного» [8, с. 53]. Истинной же основой жизни человека может быть лишь то, что непосредственно вытекает из его положения как биокосмического существа, но никак не чистая «мысль», отдельная от всего остального.

Вывод, к которому приходит Лихтенберг в своем споре с Декартом, полностью согласуется с тем, о чем размышляет Шмаков, герой «Города Градова». В записях последнего содержится еще один антипо-

зитивистский выпад Платонова против предположения, что с помощью голого умозрения можно постичь смысл бытия: «...мир официально никем не учрежден и, стало быть, юридически не существует. А если бы и был учрежден и имел устав и удостоверение, то и этим документам верить нельзя, так как они выдаются на основании заявления, а заявление подписывается “подателем сего”, а какая может быть вера последнему? Кто удостоверит самого “подателя”, прежде чем он подаст заявление о себе?»¹ [9, с. 216]. Помимо постановки известной логической загадки о том, что было раньше, курица или яйцо, дилемма эта указывает на принципиальную невозможность решения вопроса о смысле человеческого существования на основании эмпирических научных данных без учета онтологической связи человека со всей Вселенной и роли мышления в общей картине мировой энергетики, без понимания мозга как особой формы самоорганизующегося «живого вещества».

В повести Платонова «мусорному ветру» энтропии, который продолжает веять в Новой истории человечества, противостоит самоценное, продуктивное и непосредственно выражающее себя в мысли «вещество-энергия» сознания Лихтенберга, которое принципиально неотделимо не только от его тела, но и от тела Космоса. Для Платонова, оппонировавшего Декарту, *первична* не «мысль», а «существование» как форма «вещества жизни» – «существование», оправдывающее бытие и космическое предназначение человека.

Литература

1. Платонов А.П. Мусорный ветер // Платонов А.П. Повести, рассказы. Из писем. Воронеж, 1982.
2. Платонов А.П. Джан // Платонов А. Государственный житель. Минск, 1990.
3. Платонов А.П. Котлован (1930) // Платонов А. Повести и рассказы. 1928–1934. М., 1988.
4. Платонов А.П. Чевенгур (1927–1929) // Чевенгур. М., 1988.
5. Платонов А.П. Счастливая Москва (1933–1934) // Счастливая Москва. Повести. Рассказы. Лирика. М., 1999.
6. Платонов А.П. Записные книжки. Мат-лы к биографии. М., 2000.
7. Платонов А.П. Маркун (1921) // Платонов А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1985.
8. Платонов А.П. Чутье правды. М., 1990.
9. Платонов А.П. Город Градов // Платонов А.П. Повести, рассказы. Из писем. Воронеж, 1982.

М.Н. Климова

«РУССКАЯ ВЕРСИЯ» «МИФА О ВЕЛИКОМ ГРЕШНИКЕ» И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

Томский государственный университет

В ряду важнейших архаико-мифологических сюжетных схем мировой литературы особое место занимает «миф о великом грешнике», сюжетное ядро которого образует идея нравственного возрождения падшего человека [1]. Эта сюжетная схема по своей

природе, несомненно, – явление общехристианское, поскольку основана она на одном из главных постулатов христианской этики. Первыми образцами ее стали евангельские притчи о мытаре, разбойнике и блудниках, а также истории отречения и раскаяния святого

¹ Здесь, возможно, содержится аллюзия на В.В. Розанова. (Цель человеческой жизни // Смысл жизни в русской философии. СПб., 1995. Впервые опубликовано: Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 14–15.)